

Зарубежная философия.
Современный взгляд

УРОК РУССО*

Руссо не стареет.

Лев Толстой

В. П. ВИЗГИН

Чему может научиться современная философская мысль у Руссо, этого бродяги и чудака? Художественности и экзистенциальному тону, без которых философия сегодня буквально задыхается. Обычно в предшественники экзистенциальной философии зачисляют Кьеркегора. Упоминается в этой связи и Ницше. Но не Руссо! А ведь Ницше и Руссо – фигуры во многом изоморфные. У них схожие особенности темперамента – быстрое воодушевление нередко сменялось резким разочарованием в том, что его вызвало. Оба испытывали подъем творческой энергии на тех же самых альпийских тропах. Оба могли продуктивно мыслить, изобретая новое, только в движении по горным и лесным ландшафтам. «Ma tête ne va qu'avec mes pieds» («Моя голова работает лишь вместе с моими ногами»)!, – говорил Руссо. Кстати, экзистенциальная мысль, как правило, такова: ее создавали мыслящие не абстракциями, а чувствами ходоки. Таким был Ницше, таким был и Габриэль Марсель, и Лев Шестов, бродивший, заметим, по тем же швейцарским Альпам, а из близких нам по времени имен я бы указал на Михаила Пришвина и Георгия Гачева.

Почему философии не обойтись без двух указанных качеств – художественности и экзистенциальности? Потому что эти свойства, в конце концов, отсылают к самой истине, которую ищет философия. Литература как духовная интенция хранит важное измерение той истины, которую ищет философия. Что мы имеем в виду? Не развивая подробно скрытого здесь содержания, только намекнем на него, сказав, что истина – это субъект, что она персоналистична, сердечна и прекрасна, воплощена и конкретна и не есть абстрактная истина одного только разума. Давно было замечено, что на своих вершинах литература всегда обладает значительной философской ценностью. Однако философы, в большинстве своем привыкшие к профессорско-кабинетной норме работы, с особым усердием и прилежанием, культивируемыми немецкой традицией, видят истину совсем в ином качестве. Она им представляется в виде отвлеченного «наукоучения», какой-то сверхчеловеческой *Wissenschaft*. Французская же и русская традиции, в отличие от немецкой, не разъединяют философское и художественно-литературное творчество. Пример тому – Жан-Жак Руссо. Литературе по самой природе этого вида деятельности свойственно ставить образ

* В основе статьи материалы выступления на расширенном заседании Ученого совета Института философии РАН 15 мая 2012 г., посвященного двухсотлетию со дня рождения Ж.Ж. Руссо.

и чувство выше отвлеченной мысли. «Я чувствовал прежде, чем начал размышлять», — пишет Руссо в своей «Исповеди». Необыкновенный успех его первой конкурсной работы привлек к нему широкое внимание и утвердил его репутацию среди парижских интеллектуалов, которые, прежде всего, в лице Кондильяка, превращали изначальную стихию чувств в «строгую науку». Руссо же, маргинал в кругу столичных философов, привыкших к салону и кабинету, практиковал чувство как жизнь, путь и истину. «Других привел к чувству анализ, Руссо же пришел к нему в силу своего темперамента», — говорит о нем Густав Лансон, историк французской литературы². До своего философского натурализма и литературного сентиментализма автор «Исповеди» жил природой и чувствами, совсем не думая о том, чтобы из такой жизни делать волнующие публику тексты. Самым приспособленным для его творческой работы кабинетом был у него лес в Монморанси. По образу жизни и мысли, по самой судьбе одинокого скитальца и маргинала Руссо был экзистенциальным писателем и мыслителем.

Сегодня философы, с болью констатируя падение общественно значимого резонанса своей деятельности, стремятся к контакту со СМИ, ищут его. Но ведь публика теряет интерес к работе философов не только из-за ускорения темпа жизни, ее механизации и информатизации, а еще и потому, что современной философской культуре недостает указанных руссоистских качеств — экзистенциальности тонуса и художественности манеры мысли, без которых невозможна не только ее литературная привлекательность, но и ее способность к содержательным инсайтам, к прорывам в неведомое. Хайдеггер, чье влияние сейчас, как бы гениален он ни был, все же вряд ли соразмерно реальной значимости его мысли, говорил, что философии не до изящества формы, поскольку она борется за обретение трудно постижимого содержания истины. Но, на наш взгляд, это ошибочный тезис: без ориентированной на человека внутренней художественности, обнаруживаемой, в частности, как литературность, вершины философии, в приобщении к которым так нуждается современный человек, недостижимы. Невозможно трогать сердца людей, презирая со своего научно-философического «высока» литературу и весь «литературоцентрический» тип культуры. А ведь именно к такому типу культуры принадлежали и Руссо, и на всю жизнь впитавший его воздействие Лев Толстой. Наука и ориентирующаяся на нее философия формируют аналитические способности, навыки логической работы с абстрактными понятиями. Литература же и искусство развивают вкус и тонкость мысли, интуитивные способности схватывания целого с помощью образов и приемов косвенного говорения.

Культивирование гуманитарно-художественных навыков мысли во французской традиции прослеживается, по крайней мере, с Монтеня, которого Руссо не просто читал, но впитал. Именно автор «Опытов» с характерной для него планкой искренности в раскрытии себя перед публикой служит ему вехой для ее преодоления. В черновой рукописи «Исповеди», хранящейся в библиотеке Невшателя, Руссо обозначает предел искренности Монтеня как такое обнаружение им своих недостатков,

которое ограничивается лишь допустимыми, или, как здесь говорится, «милыми» слабостями (*aimables*)³. Соревнуясь с Монтенем в полноте откровенности автопортрета, Руссо указывает нам на традицию, в которой движется его дискурс. Она может быть определена как антропологическая, или гуманитарная, причем философия понимается в ней как поиск действенной моральной основы человеческого существования, как язык «искреннего сердца». «Искренность сердца» у Руссо не только главное требование автобиографического жанра, но и основной гносеологический принцип, кладущий предел любому сомнению. «Сердце мое, — говорит он в «Исповеди», — воспитывало мой ум»⁴. За руссоистской «искренностью» мы не можем не видеть последующего тематизирования «бытия» в противовес «кажимости», которое вместе с пафосом «подлинности» так характерно для экзистенциальной философии XX в.

От Руссо через Мена де Бирана экзистенциальная струя внутри французской культурной традиции проникает в спиритуализм XIX в., давший в XX столетии течение мысли, известное под названием философии духа, и христианский экзистенциализм Марселя. Анри Гуйе, известный историк философии, назвал раннего Мена де Бирана (1766 – 1824), основоположника французской спиритуалистической традиции, «прихожанином савойского vicария»⁵. По слову Гуйе, «Руссо говорит сердцу» этого философа, задавая его мысли экзистенциальный тонус. Воздействие Руссо на Мена де Бирана не было усвоением каких-то отдельных концептуальных положений философии «женевского гражданина». Как пишет историк, «оно было одним из тех влияний, которые проникают вглубь подсознания, теряясь в таинстве рождающейся мысли»⁶. Руссо вселил в Мена де Бирана смелость обращения к личному опыту как к первоисточнику общезначимых философских открытий. Дневниковый опыт мысли, практиковавшийся Менем де Бираном, в XX в. по-новому повторит Габриэль Марсель, философские учителя которого, как в лицее, так и в Сорбонне, увлекались, кстати, автором «Интимного дневника»⁷.

Сейчас иногда говорят о намечающемся в философской мысли новом интересе к проблеме человека, освоего рода «антропологическом повороте». Его представляют как желанный и целительный для нашей духовной ситуации. И если такого поворота действительно хотят, как не заметить, что в этом случае философии не миновать новой встречи с литературой? Однако образом для таких «поворотных» попыток пока выступает скорее ориентированное на естествознание теоретизирование, чем литература или другая художественная практика.

Конечно, существует риск поверхностного «олитературивания» философии, проводимого исключительно ради достижения ею большего успеха у публики, чем она имеет, оставаясь по привычке наукообразной и даже наукоцентрической. По этому пути во Франции пошли так называемые новые философы. Но их литературность оказалась, на наш взгляд, скорее поверхностной публицистикой, чем той глубокой художественностью мысли, которая действительно способна придать новые силы философскому творчеству. Речь ведь идет не о том, чтобы забыть о метафизических задачах или о научной основательности философского

дела ради успеха красноречия, использующего философский лексикон, а о том, чтобы метафизические исследования развивались «внутренним художником» внутри самой «мыслящей мысли» (*la pensée pensante*, по выражению Блонделя).

Вот почему нам нужно снова обратиться к опыту Руссо, литературность которого была не только красноречием, но и экзистенциально-tonированной мыслью. Это предполагает такое состояние души, когда она пишет, по слову поэта, не чернилами, а кровью сердца. Иными словами, все абстрактные понятия, привычно связываемые нами с именем Руссо (пафос природы и естественности, демократизм, дух справедливости и равенства всех людей, человеколюбие и милосердие и т.д.), были им лично глубоко пережиты и выстраданы. Новым и важным оказался его экзистенциальный опыт, а потому таким плодотворным и живым стало воплотившее его творчество.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Руссо Ж.-Ж. Исповедь // Руссо Ж.-Ж. Избр. соч. В 3 т. Т. 3. – М., 1961. – С. 147.

² *Lanson G.* Histoire de la littérature française. – Paris, 1902. – P. 763.

³ «Il se montre avec des défauts, mais il ne s'en donne que d'aimables» (Цит. по: *Mauvois A.* De La Bruyère à Proust. – Paris, 1964. – P. 56).

⁴ Руссо Ж.-Ж. Исповедь. – С. 113.

⁵ «Исповедание веры савойского vicария» занимает значительную часть четвертой книги «Эмиль, или О воспитании», в нем Руссо излагает основы своего религиозно-философского мирозерцания.

⁶ *Gouhier H.* Les conversions de Maine de Biran. – Paris, 1947. – P. 57.

⁷ См.: *Colonna d'Istria F.* L'influence du moral sur le physique d'après Cabanis et Maine de Biran // *Revue de métaphysique et de morale.* 1913. № 4; *Delbos V.* Maine de Biran et son œuvre philosophique. – Paris, 1931.

Аннотация

Основной тезис статьи состоит в том, что современной философии недостает экзистенциального тонуса и художественной установки сознания, которым она могла бы поучиться у Ж.-Ж. Руссо. По сути дела автор предлагает рассматривать Руссо как своеобразного предтечу экзистенциальной мысли, возникновение и развитие которой обычно связывают с именами Кьеркегора и Ницше. В этой связи сравнение между Руссо и Монтенем демонстрирует традицию французской философской мысли.

Ключевые слова: Руссо, экзистенциальная философия, Монтень, литература и философия.

Summary

The paper presents the author's view on the Rousseau's style of philosophizing. According to the author the actuality of Rousseau for to-day philosophy is due to his existential and artistic attitude. The Rousseau's poetics is close to the existentialist literature's manner. In this connection the comparison between Rousseau and Montaigne demonstrates this tradition of the French thought.

Keywords: Rousseau, existentialism, Montaigne, literature and philosophy.